

Исторические последствия этнокультурных контактов на российском Дальнем Востоке (XVII—XVIII вв.)¹

Вадим Анатольевич Тураев,

ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v_turaev@mail.ru

В статье рассматриваются результаты этнокультурного взаимодействия на российском Дальнем Востоке в самый сложный, немирный период его присоединения. Анализируются последствия вооружённого противостояния аборигенов с казаками, характер ассимилятивных процессов.

Ключевые слова: казаки и аборигены, демографические последствия вооружённого противостояния и патогенного вторжения, этнические миграции, этноязыковые процессы.

The historical consequences of ethnic and cultural contacts in the Russian Far East (XVII—XVIII centuries).

Vadim A. Turaev, senior researcher of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article discusses the results of ethnic and cultural communications in the Russian Far East in the most troubled, non-peaceful period of its annexation. The author analyses the influence of armed confrontation of the Cossacks with the natives, pathogenic invasion, the nature of assimilative processes.

Key words: cossacks and aborigines, demographic consequences of armed conflict and pathogen invasion, ethnic migration, ethno-linguistic processes.

Историческую судьбу коренных народов Дальнего Востока на протяжении последних столетий определяют интенсивные межкультурные контакты с русскими и другими народами Российского государства. О некоторых последствиях этих контактов пойдёт речь в этой статье. Сама по себе тема не нова. Проблемы этнокультурного взаимодействия — одна из основных предметных областей этнографических исследований.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и отделений РАН на 2012 г. Проект 12-1-П33-06 «Социокультурные аспекты модернизационных процессов у коренных малочисленных народов Дальнего Востока».

Следует, однако, сказать, что исследователи, находясь долгие годы в плену официальной доктрины «добровольного» вхождения в состав России народов Сибири и Дальнего Востока, проблемы этнокультурного взаимодействия рассматривали своеобразно. Акцент делался главным образом на благотворном воздействии русской культуры на хозяйство, культуру и быт коренного населения в период мирного сожительства. Негативные последствия, неизбежные при любом межкультурном взаимодействии, особенно в период вооружённого противостояния, не то чтобы замалчивались, но как бы не принимались в расчёт. В результате суть этнокультурного взаимодействия искажалась, из этнокультурного диалога изымался исключительно важный этап — взаимодействие этнических систем в условиях конфликта. Восполнить хотя бы в некоторой степени этот пробел — задача статьи.

В последние годы проблемы межкультурного взаимодействия приобретают особую актуальность в связи с процессами глобализации, которая сопровождается беспрецедентным ростом этнокультурных контактов, вызывающих многочисленные конфликтные ситуации. В этих условиях анализ аналогичных процессов на российском Дальнем Востоке, пусть и в другое историческое время, представляется небесполезным.

Не будет преувеличением сказать, что этнокультурные контакты — главная движущая сила всего исторического процесса. Они лежат в основе формирования государств и народов. Без них Сибирь и Дальний Восток никогда не стали бы составной частью Российского государства. А без Сибири и Дальнего Востока Россия навсегда осталась бы европейской периферией.

Межкультурное взаимодействие никогда не бывает простым и безболезненным. На начальном его этапе люди не ищут у своих новых соседей привлекательных черт. Новое отмечается только потому, что оно чужое. Так происходило везде, и Дальний Восток не исключение. Превращение Сибири и Дальнего Востока в неотъемлемую часть Российского государства в отечественной историографии описывалось в различных терминах. В дореволюционной историографии и в первые советские десятилетия этот процесс рассматривался как завоевание. Однако уже в середине 1940-х гг. оценки формирования российского многонационального государства начинают меняться. Соответственно начинает исчезать и слово «завоевание». Его заменяют нейтральным — «присоединение». Нельзя сказать, что в такой замене не было смысла. Безусловно, прав был В.И. Шунков, считавший, что слово «присоединение» лучше отражает всю сложность исторического процесса, включающего в себя явления различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения [29, с. 231]. И всё же изначальным импульсом к такому переосмыслению были не поиски научной истины, а определённые идеологические тенденции. Не случайно очень скоро этот термин также перестал отвечать требованиям политической конъюнктуры. По мнению якутского историка Г.П. Башарина, концепция присоединения была плоха уже тем, что «порождала опасность рецидива теории „завоевания“», вместо

неё он считал необходимым использовать термин «вхождение» как отражение мирного присоединения Сибири к Русскому государству. Автором этого термина Башарин не был, но дал ему новую трактовку: к слову «вхождение» он добавил ключевое слово «добровольное»¹ [1].

Рассматривая историю эволюции представлений о характере присоединения Сибири к Российскому государству в советской историографии, трудно избавиться от мысли, что за всем этим чаще всего стоял поиск наиболее подходящего эвфемизма — нейтрального по смыслу и эмоциональной нагрузке слова, способного заменить неуместное в конкретной политико-идеологической ситуации понятие и тем самым замаскировать суть явления. Все замены термину «завоевание» неизменно заключали в себе одну и ту же смысловую нагрузку — сочетание насильственных и мирных действий. Не отрицая в принципе «элементов завоевания», акцент тем не менее делали на «мирном» и даже «добровольном» вхождении сибирских народов в состав России. К 1970-м гг. концепция преимущественно мирного и добровольного присоединения Сибири к России в советской историографии стала господствующей и, как справедливо замечает А.С. Зуев, «...фактически произошло выхолащивание концепции Шункова: из трактовки присоединения исчезло завоевание и осталось только добровольное вхождение» [13, с. 126].

Присоединение к России Дальнего Востока не было простым и мирным. Разумеется, степень противостояния в разных районах была различной. Это зависело от множества факторов: численности народа, степени его консолидации, образа жизни (кочевые группы предпочитали раствориться в тайге и тундре), характера потестарной организации, присущей тому или иному этносу, наличия или отсутствия конфликтов с соседями и т.п. Особенно упорное сопротивление встретили русские на Северо-Востоке. Вооружённые столкновения разной степени интенсивности продолжались здесь до середины XVIII в. Русским так и не удалось подчинить чукчей, хотя для решения этой задачи было даже создано (1727) специальное воинское подразделение — Анадырская партия. Она вела успешные военные действия почти 40 лет, потеряла убитыми двух своих руководителей, множество казаков и была упразднена за «...бесполезностью и тягостностью для народа» [15, с. 53—82; 16].

Насильственный характер присоединения Дальнего Востока не мог не сказаться на взаимоотношениях с коренными народами, характере культурных контактов. Другим, не менее важным фактором, определившим характер взаимоотношений, стал социальный состав пришлого населения. В отличие от Сибири основу русского населения на Дальнем Востоке до середины XIX в. составляли казаки. Их отношения с аборигенами в сравнении с другими слоями русского населения отличались повышенной конфликтностью уже в силу их служебных обязанностей. Ка-

¹ Зная непростую судьбу Г.П. Башарина, можно предположить, что он тем самым зарабатывал себе научную реабилитацию. Незадолго до этого (1952) Г.П. Башарин, обвинённый в буржуазном национализме, был снят со всех занимаемых постов и лишён учёных степеней.

заки в глазах аборигенов были прежде всего завоевателями, носителями несвободы и уже по этой причине не вызывали добрых чувств. В фольклоре народов Северо-Востока они фигурируют как опасность номер один. Особенно это характерно для фольклора чукчей и коряков, с которыми русским пришлось вести особенно длительную вооружённую борьбу. Враждебность местного населения ощущалась казаками с самого начала, что отразилось даже в архитектуре русских поселений. Почти все русские зимовья и остроги XVII в. долгие десятилетия сохраняли всевозможные защитные сооружения — башни, «нагородни», «хрящ» (насыпь из земли и камней вокруг стен острога), «чеснок деревянный» (заострённые колья), тыновые ограды с бойницами и тому подобные «крепички», чтобы «...жители были безстрашно». На Камчатке точно с такими же предосторожностями строились русские остроги и в XVIII в. Тигильский острог, например, заново отстроенный в 1752 г., был огорожен лежащим забором, имел земляной вал и стоячий палисад, ров шириной 12 и глубиной 6 футов, а перед ним рогатки [6, с. 137]. Надобность в подобных «крепичках» стала исчезать на Камчатке только в начале XIX в.

Период вооружённого противостояния как специфический этап культурного взаимодействия не прошёл бесследно для аборигенов. Прежде всего, они потеряли свободу. Взаимоотношения казаков и аборигенов развивались в этот период по модели «господство-подчинение». Нельзя сказать, что власть казаков над завоёванным социальным пространством была беспредельной. Чаще всего она распространялась лишь на аборигенные поселения, примыкавшие к русским острогам. Суть проблемы в другом. Русские принесли с собой феодальное сознание, а потому и характер их отношений с коренным населением стал определяться принципами феодальной эксплуатации. Крашенинников писал по этому поводу, что казаки на Камчатке живут «как дворяне за холопами» [19, с. 245]. Такая оценка не была преувеличением. Как и помещики в России, казаки проигрывали своих холопов в карты, вывозили их в Якутск на продажу. По переписи 1723 г. в камчатских острогах у 67 казаков разных чинов имелось 226 холопов [25, с. 40].

Из четырёх типов этнокультурного взаимодействия, известных в мировой истории (прибавление, убавление, усложнение, обеднение), господствующим на первом его этапе у аборигенов Дальнего Востока стало прибавление, когда заимствования не приводят к перестройке сложившегося типа культуры. В быт коренного населения стали активно проникать железные изделия. В многочисленных вооружённых стычках аборигены приобретали бесценный опыт. Они научились не бояться огнестрельного оружия, очень скоро сами стали использовать отбитые у казаков пищали и пушки, выработали вполне успешные приёмы противостояния казачьим отрядам и, в конечном счёте, заставили правительство пойти на ряд уступок: отказаться от насильственного крещения, отменить аманатство, изменить систему ясачного обложения.

Война с казаками оказала заметное влияние на социальную организацию и этническое самосознание аборигенов. Повысились авторитет

и значение военачальников, эти должности стали постоянными и даже наследственными, ускорилось разложение родовой организации, первобытной демократии. В этнической памяти чукчей и части коряков успешное сопротивление завоевателям не могло не стать сплывающим фактором, фактом героической истории, что, в свою очередь, не могло не стать частью картины мироздания аборигенов. В чукотском фольклоре ни один из соседних народов, за исключением русских и самих чукчей, не именуется людьми. Больше того, в чукотском мифе о творении Вселенной Бог-отец предназначает все народы, кроме самих чукчей, в рабство русскому [20, с. 32—39]. Известно, что чукчи относились ко всем своим соседям крайне пренебрежительно [3, с. 160], и для того, чтобы они признали русских равными себе, потребовалось несколько десятилетий упорной борьбы. Любопытно, что и русские старожилы Дальнего Востока выделяли из общей массы коренного населения чукчей и якутов. Их они, в отличие от эвенов-ламатов, юкагиров и эвенков, не называли инородцами [2, с. 23]. Можно полагать, что якуты не рассматривались в качестве инородцев, поскольку их хозяйство и образ жизни мало отличались от большинства якутоязычных (см. ниже) русских старожилов. Что же касается чукчей, то они в силу так и не сломленной непокорности скорее воспринимались местными русскими как «иноземцы».

Одним из наиболее трагичных последствий для аборигенных сообществ на первом немирном этапе взаимодействия стало падение их численности. Точное число военных потерь аборигенов определить невозможно. Существуют разные оценки. По мнению Г.В. Стеллера, например, на Камчатке казаки «... в течение 40 лет низвели численность туземцев до одной двенадцатой или одной пятнадцатой части первоначального их количества» [31, с. 227], что вряд ли соответствует истине. Более достоверными представляются данные, полученные на основе анализа материалов ясачного обложения. Согласно этим данным камчатские береговые коряки в начале XVIII в. насчитывали 3780 чел. В 1763 г., когда военные действия в основном завершились, их осталось 1480. Население олюторцев сократилось с 2700 до 740 чел., пенжинцев — с 2600 до 635. С 1280 до 750 чел. сократилась численность охотских коряков, оленных коряков — примерно в 2,5 раза [21, с. 59—60]. С 12 до 6 тыс. уменьшилось число ительменов [10, с. 577; 9, с. 101]. Жертвами казачьего произвола стали многие юкагирские роды. Спасаясь от казаков, они вынуждены были покидать свои территории. В связи с этим обострились их отношения с соседями. В целом только в XVII в. численность юкагиров сократилась почти в два раза [10, с. 440]. Людские потери существенно подорвали возможности этой народности к сопротивлению, ослабили этническое самосознание.

Демографические последствия этнокультурного взаимодействия не ограничиваются военными потерями. Не менее страшным бедствием стали эпидемии заразных болезней. Смертность от эпидемий нередко превосходила боевые потери. В русских источниках оспа в Сибири стала отмечаться уже в начале XVII в. На территории Дальнего Востока первая её эпидемия была зафиксирована в 1650—1653 гг. на Нижней Яне (умер-

ли все проживавшие там якуты). В Якутии, на Охотском побережье и Чукотке эпидемии оспы отмечались в 1659—1661, 1669—1670, 1681, 1683, 1688—1689, 1690—1692, 1695, 1697, 1714 гг. В 1691 г. от оспы погибло большинство омонских юкагиров.

На Камчатку оспу занёс в 1768 г. якутский казак Тарабукин. С октября 1768 по июль 1769 г. от неё умерло 4767 ительменов и оседлых коряков и 315 русских — 65% всего населения [21, с. 63]. На восточном берегу Камчатки после эпидемии почти не осталось ительменского населения. Не успели оправиться от оспенной эпидемии, как появилась новая напасть. Прибывшие в 1799 г. в Петропавловск солдаты гарнизонного полка Сомова заразили жителей Камчатки сыпным тифом. К лету 1800 г. от эпидемии скончалось почти 2 тыс. камчадалов, коряков и русских [17, с. 135, 164]. Эта эпидемия, получившая название «сомовское поветрие», положила начало окончательному угасанию ительменов.

Эпидемии оспы свирепствовали и в XIX в. Их фиксировали в 1815, 1833, 1845, 1875—1876, 1880 гг. В 1883 г. прекратил существование г. Зашиверск, уцелело около 40 чел., ушедших в тундру до начала эпидемии. С оспой связано исчезновение в конце XIX в. нескольких родовых подразделений орочей. В 1908—1909 гг. на Сахалине от оспы умерло 140 нивхов. Эпидемии заразных болезней вместе с боевыми потерями, а также распространение алкоголизма наложили заметный отпечаток на последующее развитие коренных народов.

Мы привыкли гордиться тем, что за 400 лет пребывания Дальнего Востока в составе Российского государства численность его коренных народов не только не сократилась, но существенно выросла. К сожалению, это не совсем так. Численность аборигенов стабильно росла лишь в послевоенные советские десятилетия. Что же касается предшествующих столетий, то здесь всё далеко не однозначно. Периоды роста численности сменялись падениями. Более устойчивы к патогенному вторжению оказались кочевые народы. Воздействие болезней отразилось на них в меньшей степени. Пострадали в основном оседлые. Американский этнограф Г. Добинс, рассматривая последствия патогенного вторжения из Старого Света в Новый, характеризовал его как «крупнейшую биологическую катастрофу». С такой оценкой можно согласиться и применительно к Дальнему Востоку.

Не менее важным порождением эпидемий стали этнические миграции. Спасаясь от болезней, люди покидали родные места и оказывались в иноэтничном и далеко не всегда доброжелательном окружении. На этой почве развивались межэтнические конфликты, ассимилятивные процессы. Сокращение численности юкагиров ускорило их ассимиляцию тунгусами, коряками, чукчами и якутами. В результате юкагирская этнолингвистическая общность практически распалась, зато возник новый этнос — чуванцы, окончательно сформировался культурный облик современных эвенов. Часть тунгусов с Нижней Лены переселилась на Таймыр, где позднее участвовала в формировании долган. Во второй половине XVII в. усилилось перемещение якутов на Вилюй, что привело

к вытеснению местных тунгусов в бассейн Май. Ассимиляция ослабленных боевыми потерями и эпидемиями ительменов привела к появлению на Камчатке новой этнической общности — камчадалов. Ассимиляция охотских коряков русскими, эвенками и якутами сформировала камчадалов Магаданской области [27; 22]. Под воздействием миграции тунгусов в бассейн Амура шло формирование ороков, орочей, негидальцев, таких этнических групп, как самагиры и киле у нанайцев [12, с. 15; 11, с. 24].

Эпидемии в буквальном смысле потрясли систему традиционных верований коренных народов. Ставшая очевидной беспомощность шаманов в борьбе с грозными болезнями привела к утрате веры в традиционную космологическую систему. С падением престижа шамана ослаб один из главных устоев социальной структуры и духовной жизни аборигенов.

Вторая половина XVIII в. — важный рубеж в истории межкультурных контактов на Дальнем Востоке. Военные действия, продолжавшиеся почти целое столетие, закончились. Началось переселение на Дальний Восток сибирских крестьян. Вместе с ними появляются и другие социальные слои русского населения. В этих условиях воздействие казаков на коренное население перестало быть определяющим, взаимоотношения с аборигенами по модели «господство-подчинение» сменяются мирным сожительством, другими формами этнокультурного взаимодействия. Природная среда породила однотипность трудовой деятельности новопоселенцев и аборигенов, формировала общую культуру жизнеобеспечения, что в свою очередь облегчало контакты. Отдельные элементы культуры аборигенов активно проникали в быт русского населения. Русские научились ездить на оленях и собаках, заимствовали у аборигенов зимнюю одежду и обувь. Изменилась конструкция русских саней, их стали делать по типу нарт на высоких копыльях, чтобы не задевать пни и коряги. В крестьянских избах на сундуки и лавки стали стелить меховые кумаланы. Все эти процессы хорошо известны, подробно описаны в литературе.

Расширение межэтнических контактов не могло не вызвать к жизни разнообразные лингвистические процессы. Преобладающей тенденцией, безусловно, является проникновение в языки аборигенов русской лексики. Особенно это касается политической, социально-экономической и технической терминологии. Имеет место и обратный процесс. В русских диалектах и говорах Дальнего Востока закрепилось довольно много слов аборигенного происхождения: в первую очередь были усвоены названия бытовых предметов, которые отличались практичностью, удобством, приспособленностью к местным условиям, а также те реалии, с которыми русские раньше не сталкивались: *агеды* — дорожные сапоги, *дюкак* — сосед, *нимат* — обычай делиться с соседями добычей, *ураса* — жилище конусообразной формы, *хотон* — помещение для скота, *сугусэр* — поняга и т.п.

В результате влияния местных языков сложились разнообразные говоры русских старожилов. Например, характерная особенность колымского говора — так называемое «сладкозвучие». Оно выражается в произношении *л* и *р* перед гласными как *й*: *гойова* вместо *голова*, *хойосо* вместо

хорошо, найта вместо *нарта*. В низовьях Индигирки под воздействием юкагирского языка сложился шаркающий говор: вместо свистящих *с* и *з* произносят шипящие: *вешело* вместо *весело*, *жипун* вместо *зипун*. Мягкий согласный *т* заменяется *ч*, а шипящие звуки — свистящими: *чело* вместо *тело*, *чихо* — *тихо*, *сапка* — *шапка*, *живот* — *живот*.

У различных групп старожильского населения Камчатки к концу XVIII в. на основе взаимодействия северорусского диалекта, на котором говорили первые покорители Камчатки, и местных аборигенных языков сформировался так называемый камчадалский язык («камчатское наречие» русского языка). Исследователи выделяют в нём четыре говора: елизовский, долины реки Камчатки, большеерецкий и тигильский [4, с. 92, 114]. На камчадалском языке до конца XIX в. говорили и даже писали многие камчатские жители. Камчадалская лексика использовалась главным образом для обозначения понятий, связанных с традиционным природопользованием, местных орудий рыболовства, деталей собачьей упряжи, в домашнем быту. На говоры камчадалов охотского побережья Магаданской области сильное влияние оказали корякский, эвенский и якутский языки.

После того как Приамурье стало частью Российского государства, началось формирование амурских говоров русского населения. Поскольку первыми русскими поселенцами здесь были забайкальские казаки, то образовался сплав забайкальских говоров, в которых преобладали севернорусские черты. Эти говоры также имеют фонетические, морфологические и прочие особенности: переход *е* в ударное *о* (*пецёра*, *блёсна*), произношение *и* вместо *е* (*сивер*), *о* или *а* вместо *е* (*доржит*, *дёржит*, *задарживать*) и т.п. В настоящее время эти говоры почти исчезли, заменились литературным языком, хотя ещё совсем недавно русские колымчане, например, откровенно смеялись над теми, кто обходился без «сладкозвучия», а о себе они говорили: «Какие мы юские — мы походчане, койимский найод» [28, с. 220].

Важной особенностью этноязыковых процессов в XVIII—XIX вв. на Дальнем Востоке стало широкое распространение якутского языка. Писатель И.А. Гончаров, возвращаясь из Японии через Якутию, писал, что якутский язык выполняет здесь функции французского в России. И.И. Майнов считал, что русские крестьяне Амгинской слободы в конце XIX в. «...не могли с полной свободой выражать свои мысли иначе, как по-якутски, сохранившихся в их памяти русских слов было достаточно только для простейших торговых сделок или для объяснения с начальством» [20а, с. 166].

Двуязычие — удел любой меньшей по численности этнической общины, оказавшейся в иноэтническом окружении, в новых социально-экономических и бытовых условиях. Желание быть понятыми своими более многочисленными соседями, с которыми связывают тысячи житейских ситуаций, заставляет активно осваивать язык этнического большинства. Вектор этноязыковых процессов кардинально изменился в XX в., когда русские на Дальнем Востоке стали преобладающей частью населения.

Начиная с 1960-х гг. они приняли характер языковой ассимиляции. Это хорошо видно на примере уменьшения роли родного языка. У нанайцев с 1959 по 1989 г. доля считающих свой язык родным сократилась с 87 до 44%, у эвенов — с 81 до 44%, у эскимосов — с 84 до 52%, у нивхов — с 76 до 24%, у орочей — с 68 до 18% и т.п. [23, с. 22]. В настоящее время все аборигенные языки Дальнего Востока принято относить к категории «больных». Фактически мёртвыми являются алеутский и керекский языки. «Смертельно больны» языки ороков, негидальцев, ительменов и удэгейцев. «Серьёзно больны» эскимосский, юкагирский, нивхский, корякский, «хронически больны» ороцкий и ульчский [30, с. 10].

Социально-исторические и политические причины разрушения языковой среды в XX в. хорошо известны. Определяющими факторами этноязыковой ситуации с начала 60-х гг. стали ликвидация «неперспективных» поселений, переселение аборигенов в многонациональные посёлки, укрупнение коллективных хозяйств и рост численности приезжего населения. Укрупнение сёл имело два серьёзных негативных последствия для этноязыковой сферы. Насильственное переселение из родных мест привело к повышенной смертности лиц старших возрастов. В первые годы после переселения она фиксировалась практически у всех народов Севера. Преждевременный и почти одновременный уход из жизни бабушек и дедушек, главных носителей родного языка, не мог не сказаться на характере внутрисемейного языкового общения. Исчезла необходимость говорить на родном языке с родителями, которые в массе своей не знали русского языка.

Изменился и характер языкового общения в производственной сфере. Объединение колхозов в более крупные многоотраслевые хозяйства, последующее преобразование их в совхозы коренным образом изменили этническую структуру административно-управленческого персонала. Руководителями первых национальных хозяйств до конца 50-х гг. были, как правило, представители местных народов, либо русские старожилы, знавшие язык, традиции и культуру аборигенов. Теперь к руководству пришли совсем другие люди, более грамотные, но весьма далёкие от местной жизни. В этих условиях производственное двуязычие, столь характерное для первых аборигенных колхозов, повсеместно заменилось русскоязычием, родной язык был вытеснен вначале в моноэтнические коллективы (оленоводческие бригады), а затем и вообще из производственной сферы.

Немалый вклад в процесс вытеснения родного языка и культуры внесла и советская школа. Школы-интернаты, ставшие основными учебными заведениями с середины 50-х гг., изначально ориентировались на овладение учащимися русским языком. Попытки детей разговаривать между собой на родном языке жёстко пресекались (считалось, что это мешает овладению русским языком). Над детьми, которые с трудом осваивали русский язык, смеялись учителя и товарищи, что приводило к вынужденному отказу от родного языка. Эту тенденцию поддерживала и часть родителей, считавших хорошее знание русского языка важным условием благополучия своих детей. В настоящее время предпринимаются по-

пытки наладить преподавание родных языков в школе, правда, не у всех народов. Но, по мнению специалистов, работа школы в этом отношении малоэффективна, поскольку на родном языке почти не говорят в семьях. Таким образом, изучение родного языка в школе приводит к тому, что ученик, завершив курс изучения родного языка, практически не может на нём общаться. Максимум, что можно ожидать в этом случае — дети, получив представление о языке предков, сохранят о нём память.

Важным фактором этноязыковой ассимиляции в XX в. стали и изменения в семейно-брачных отношениях. Увеличение численности приезжих не могло не привести к быстрому росту числа этнически смешанных семей, в которых внутрисемейное общение возможно только на русском языке.

Но вернёмся в середину XVIII в., когда военное противостояние сменилось мирным сожительством. Главным его итогом к началу XX в. как для аборигенов, так и для немногочисленного русского населения стала аккультурация. Под аккультурацией обычно понимается такой результат взаимодействия, в ходе которого этнические группы, вступая в продолжительный контакт, воспринимают друг у друга отдельные элементы культуры, не утрачивая при этом и свою первоначальную культурную модель. Русские перенимали у аборигенов не только формы хозяйства, одежду, но и их нравы, забывали свой язык, обращались к язычеству, полигамии, шаманизму. Яркий образ такого русского нарисовал в рассказе «Сон Макара» В.Г. Короленко, отбывавший в 80-х гг. XIX в. ссылку в Якутии: «...Пока отцы и деды Макара воевали с тайгой, жгли её огнём, рубили железом, сами они незаметно дичали. Женясь на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характерные черты великого русского племени стирались и исчезали... Он... иногда ругал других «погаными якутами», хотя, правду сказать, сам он не отличался от якутов ни привычками, ни образом жизни. По-русски он говорил мало и довольно плохо, одевался в звериные шкуры, носил на ногах торбаса, питался в обычное время одною лепёшкой с настоем кирпичного чая, а в праздники и в других экстренных случаях съедал топлёного масла именно столько, сколько стояло перед ним на столе. Он ездил искусно верхом на быках, а в случае болезни призывал шамана, который, беснуясь, со скрежетом кидался на него, стараясь испугать и выгнать из Макара засевшую хворь» [18, с. 1].

Когда читаешь подобные строчки, а их великое множество, трудно отмахнуться от вопроса: кто кого победил? Завоёванные в XVII в. якуты, эвенки, другие народы Дальнего Востока к концу XIX в. мирно, без войны растворили в себе своих завоевателей. По-другому и быть не могло. Численность русского населения на Северо-Востоке в 1897 г. составляла 3 тыс. чел. — почти в два раза меньше, чем в середине XVII в. Такая горстка русских не могла навязать аборигенному населению свой образ жизни, свою культуру, скорее наоборот. К концу XIX в. российский Дальний Восток (за исключением его новоприобретённой южной части) в этническом плане так и не стал по-настоящему русским. Крохотные островки русских поселений на Индигирке, Колыме, Анадыре, в долине р. Камчатки и на

Охотском побережье, большинство жителей которых даже по языку имели к русским весьма отдалённое отношение, буквально терялись среди аборигенных стойбищ и становищ. За два с половиной века здесь не появилось ни одного сколь-нибудь крупного промышленного предприятия¹.

Приоритетной линией государственной политики России по отношению к аборигенам являлась консервация их форм социальной организации, быта и хозяйствования. Ясачная политика превратила Дальний Восток в одну гигантскую резервацию, что, конечно, способствовало сохранению некоторой самобытности аборигенных народов, но она же консервировала архаику, препятствовала их социальному и экономическому развитию. Российская колонизация Дальнего Востока, осуществлявшаяся государством, не вела к *качественному* преобразованию территории. Не способствуя прогрессу в жизни аборигенов, она замедляла также развитие и самих русских, и всего региона.

С экономической точки зрения Дальний Восток ничего кроме убытков казне не приносил. Якутский воевода Барнашлев предлагал ликвидировать Анадырский острог по этой причине уже в 1676 г. [5, с. 110]. Однако тогда острог не был ликвидирован, поскольку был нужен как опорный пункт для приведения в подданство немирных чукчей и коряков. В 1710—1764 гг. на его содержание было израсходовано 1,4 млн руб. За это же время доход от ясака и различных сборов составил всего 29 тыс. руб. [25, с. 83]. Расходы превышали доходы в 47 раз. Не менее убыточной для государства была Камчатка. Помощник начальника Камчатки (1825—1832) П. Ф. Кузмищев писал: «Камчатка, смею выразиться сравнением, похоже на чужеродное растение, которое привилось к России и живёт и питается на её счёт. Отсечь и бросить её жалко и нельзя. Камчадалы и коряки... давно привыкли к употреблению европейских изделий... Нельзя вовсе оставить Камчатку и потому, что могут занять её другие просвещённые народы, и тогда в России между её американскими колониями и Сибирью будут чужие владения» [17, с. 59].

По словам известного мемуариста XIX в. Ф. Ф. Вигеля, «...беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего... вверено приказчикам, более или менее честным, более или менее искусным... Зачем же слишком хлопотать?.. Одним словом, Сибирь, как медведь, сидит... на привязи» [7, с. 110—111].

Сравнивая освоение Америки и Сибири, Н. Бердяев указывал на главное отличие этого процесса: американцы победили свои пространства, русские оказались ими побеждены. Главную причину этого поражения Бердяев видел в том, что Русское государство боялось самодеятельности и активности своего народа, оно слагало с русского человека бремя ответственности за судьбу России. Трудно избавиться от мысли, что этот диагноз по-прежнему актуален и в наши дни.

¹ Единственным примером «промышленной» деятельности разве что можно назвать строительство морских судов для плаваний на Камчатку. С 1714 по 1853 г. в Охотске было построено не менее 45 судов [26, с. 107].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Башарин Г.П. Некоторые вопросы вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971.
2. Биркенгоф А.Л. Потомки землепроходцев. М.: Мысль, 1972. 222 с.
3. Богораз А.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900.
4. Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968.
5. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 404 с.
6. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 304 с.
7. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000 (http://imwerden.de/pdf/vigel_zapiski.pdf).
8. Гурвич И.С. Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII веке // Сибирский этнографический сборник. М., 1963. Т. 5. С. 71—91.
9. Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966.
10. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
11. История и культура нанайцев: ист.-этногр. очерки. СПб., 2003.
12. История и культура орочей: ист.-этногр. очерки. СПб., 2001.
13. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1.
14. Зуев А.С. Поход Д.И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. С. 3—38.
15. Зуев А.С. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII—XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999—2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002.
16. Зуев А.С. «Немирных чукчей искоренить вовсе...» (http://zaimka.ru/to_sun/chukchi.shtml).
17. Казарян П.Л. План П.Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 268 с.
18. Короленко В.Г. Сон Макара. Святочный рассказ (http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0040.shtml).
19. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
20. Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994.
- 20а. Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Труды Восточно-Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1898. Т. 13. Вып. 2.
21. Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. М.: Наука, 1985. 240 с.
22. Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. 773 с.
23. Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.
24. Огрызко И.И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.). Л., 1973. 192 с.
25. Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.: Соцэкгиз, 1935. 152 с.
26. Сгибнев А.А. Ведомость судам Сибирской флотилии с 1714 по 1853 г. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2007. Вып. 3. С. 102—107.
27. Хаховская Л.Н. Камчадалы Магаданской области: (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.
28. Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: Ист.-этногр. очерки. Новосибирск: Наука, 2007. 303 с.
29. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с.
30. Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. 378 с.
31. Steller G.W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774.